

2021

РОССИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ЛЕКЦИЯ РЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ МИД РОССИИ,
ПРОФЕССОРА **А.В.ЯКОВЕНКО** для студентов Академии
2021/2022 учебного года

1 СЕНТЯБРЯ 2021

Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента В.В.Путина от 30 ноября 2016 года - это емкий и взвешенный программный документ, отражающий заложенную в основу практических шагов российской дипломатии «систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации». В Концепции уже в который раз закреплены такие фундаментальные принципы внешнеполитической деятельности, как **прагматизм, многовекторность и открытость в продвижении национальных интересов**. Россия проводит деидеологизированную внешнюю политику, основанную на понятных национальных интересах, что отсылает к традиционной, классической дипломатии и, тем самым, обеспечивает предсказуемость российского фактора глобальной политике, разумеется, для взгляда, столь же чуждого всякому идеологическому искажению реального положения дел в современном мире.

Международная ситуация воспринимается Москвой не как нечто застывшее, как догма или вечный статус-кво, а как **международные отношения в состоянии перманентной эволюции/трансформации**, темпы которой ускоряются в последние годы. В том числе это связано с реализацией последствий окончания холодной войны, которые были отложены во времени в силу ряда причин, но прежде всего как функция представления о мире, в котором наступил «конец истории», то есть упразднилась конкурентная среда в прежней системе идеологических координат «капитализм-социализм». В этом основное содержание переживаемого нами эндшпиля всей переходной 30-летней эпохи, связанной с окончанием холодной войны и распадом Советского Союза. **Пришло время возобновления традиционной конкуренции, но**

прежде всего на почве национального развития, с уходом в прошлое всякого рода имперских способов существования. От этого отказалась Россия – теперь дело за США/историческим Западом. Отсюда **необходимость постоянно актуализировать оценки складывающейся вокруг России ситуации по мере ее динамики.**

В мировых делах наблюдается **неопределенность**, обстановка является мозаичной, противоречивой и подвижной, когда с повышенной остротой заявляют о себе новые вызовы, более того, порой возникают переломные ситуации, затрудняющие долгосрочное стратегическое планирование. Скажем, кто мог еще в канун 2020 года сказать, что одним из ключевых параметров глобального статуса государств будет их способность выступать в роли **поставщиков глобальной эпидемиологической безопасности** и эффективно решать связанные с пандемией вызовы собственному развитию? Однако и здесь речь идет не о радикальной переналадке либо пересмотре Концепции, а об акцентировании заложенных в документе программных установок сообразно конкретным условиям.

Эти программные установки ориентированы на решение первоочередных задач - обеспечение национальной безопасности в ее новом, широком прочтении, включая экономическую и экологическую, **создание максимально благоприятных условий для успешного внутреннего развития и устойчивого экономического роста России**, а также неуклонного укрепления роли России как мировой державы, оказывающей серьезное влияние на формирование полицентричного миропорядка, базирующегося на учете и уважении интересов всех и каждого, неделимости безопасности в условиях резко возросшей взаимозависимости всех государств.

Таким образом, существенным преимуществом российской дипломатии стало то, что Россия раньше других стала выстраивать свою политику на международной арене в русле перспективных трендов мирового развития, таких как **деглобализация** и **регионализация**, **возрастание роли факторов идентичности и истории, самодостаточности**, отнюдь не исключающих готовности к широкому международному сотрудничеству на основе равноправия и взаимного учета и уважения интересов. Необходимость такого подхода, особенно перед лицом множественных кризисов, все четче осознает большинство государств.

Глубокая трансформация современного мира стала вполне зримой реальностью, причем пандемия выступила в этом процессе в роли дополнительного катализатора. В то же время стало очевидным наличие разнонаправленных факторов влияния нынешней ситуации на положение дел в мире. Она не привела к смягчению геополитических разногласий (достаточно упомянуть происходящее вокруг вакцин), напротив, **обострила идеологическое и информационное противостояние без изменения глубинных национальных интересов основных «действующих лиц»**, включая обычную коммерческую конкуренцию, которую никто не отменял. Не снизила, а повысила угрозу конфликтов, но одновременно — усилила роль государств как главных субъектов международной жизни на фоне деглобализации и регионализации и ярче высветила необходимость синергии их усилий для преодоления наиболее острых проблем. Иначе говоря, кризис стал катализатором своего рода «пересдачи карт» в мировой политике, обнажив негативные и позитивные аспекты современной международной жизни, выявив «изношенные» идеи и задачи национальной внешней политики, лакуны в системе приоритетов

международного сотрудничества, но также открыв и новые возможности для политики государств в качественно новой глобальной среде. Так, сотрудничество в эпидемиологической сфере уже утвердилось на мировой арене в качестве нового направления и примера международного взаимодействия на перспективу.

На этом фоне повысилась востребованность поиска путей формирования более справедливого и более естественного мироустройства, способного предотвратить регресс человечества вследствие непредвиденных катаклизмов. Как подчеркнул на саммите «Группы двадцати» в ноябре 2020 г. президент России В.В.Путин, речь идет о том, чтобы **«использовать текущий кризис как возможность изменить траекторию глобального развития»** на благо всех стран и народов. Решить эту задачу можно только действуя в полном соответствии с императивами нашего времени, в духе сотрудничества и солидарности, признания культурно-цивилизационного многообразия современного мира, имея в виду, прежде всего, его ценностное измерение, модели общественного развития, методы обеспечения социальной сплоченности.

В экспертном сообществе укрепились оценки, согласно которым только на основе концепции полицентричного миропорядка, уже успевшей зарекомендовать себя на региональном и отчасти на глобальном уровнях, политические и экономические игроки могут искать решения, выигрышные для всех сторон, — чтобы все стали победителями, без побежденных и «триумфаторов». Практически доминирует мнение, что **идеи глобального полицентризма, национального суверенитета и суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела, балансов сил и интересов**

становятся весьма привлекательными для многих обществ. Считается также, что нынешний кризис способствует восстановлению естественной для многих народов иерархии идентичности на базе приоритетности интересов государства, но без ослабления фактора «разумной» многосторонности, – в противовес попыткам навязывания другим вариантов «однополярного» мироустройства, «новой биполярности» (США-КНР) или выбора в пользу изоляционизма и протекционизма (в духе лозунга «America First» и т.п.).

Само развитие событий продемонстрировало, что претендовавшие на «глобальное лидерство» **Соединенные Штаты, уже не в состоянии контролировать стремительный рост новых региональных лидеров** и самодостаточные геополитические процессы на мировой периферии. Вместе с тем, попытки Вашингтона навязать человечеству «однополярный порядок» под лозунгом «миропорядка, основанного на правилах», в обход универсальных институтов, норм и инструментов послевоенного международного урегулирования (а оно, по сути, было многополярным, если иметь в виду принцип единогласия постоянных членов СБ ООН, действие которого искажалось императивами идеологического противостояния) в последнее время заметно усилились – теперь через «подтягивание» к полной ориентации на американские политические установки европейцев, а также, если станет возможно, и Индии, при этом как бы «оставляя за скобками» Россию и Китай. Тем не менее, процесс формирования полицентричного мира уже зашел достаточно далеко и воспринимается большинством мирового сообщества как явление объективного порядка. Поэтому шаги западных стран по единению на прежней основе «двойного сдерживания» – России и Китая – означают, по сути, некий охранительный тренд в мировой

политике, движение «против течения», что позволяет предположить их малую результативность, хотя, конечно, требует внимательного учета и соответствующей реакции.

Одной из характерных черт нынешней международной ситуации многие эксперты видят **обострение противостояния США–КНР** – не только торгово-экономического и технологического, но и военно-стратегического. Звучит немало оценок в том ключе, что формирование «новой биполярности», деградация отношений США–Китай становятся новой доминирующей константой нашей эпохи. Разумеется, учет таких факторов, как ослабление политического влияния «гегемона» США и самоопределение КНР как глобальной державы, необходим. Однако, принимая во внимание вес и влияние России как одного из ведущих субъектов международной жизни, а также фактическую многоукладность формирующегося мироустройства (включая остаточную, от периода холодной войны, биполярность в сфере стратегической стабильности), которая в том числе через регионализацию отрицает любые иерархические построения в глобальной политике и «работает» на укрепление горизонтальных связей, резонно исходить не из главенства такой дихотомии, а из **универсальности полицентричности как сложной и саморегулируемой системы, что и лежит в основе российской картины мира**. Это диктует метод гибкой сетевой дипломатии – в противовес прежним громоздким и заряженным на конфронтацию/подготовку к войне военно-политическим альянсам.

Можно было бы только приветствовать **переход Вашингтона от тотального противостояния с КНР к упорядоченной «конкуренции»** в рамках декларированного возвращения США в лоно международного права и многосторонней дипломатии, включая возвращение в ВОЗ и

Парижское соглашение по климату. Однако на практике, как показали майские саммиты «семерки», НАТО и ЕС-США, Вашингтон навязывает своим европейским союзникам и Японии – с разной степенью эффективности – линию на сдерживание, а то и конфронтацию с Китаем. С другой стороны, надо понимать, что, как продемонстрировали президентские выборы 2020 года в США, американское общество находится в состоянии кардинальной и, надо полагать, длительной трансформации (что уже несколько десятилетий верно для России и Китая), на что указывает резкая поляризация настроений. Д.Трампа не потерпел разгромного поражения, а нарастил свою электоральную поддержку на 11 млн. голосов по сравнению с выборами 2016 года, за него проголосовали 47% американцев, а его реальный рейтинг в стране, как признают специалисты, в целом на 7% превышает данные опросов, проводимых, как правило, либеральными СМИ. Его наследие будет трудно преодолеть не только потому, что его электорат, а это коренная белая Америка, твердо стоит за него, но и в силу того, что он продемонстрировал реальную альтернативу всей послевоенной стратегии американских элит. Не с лучшей стороны себя проявила архаичная американская избирательная система с ее непрямыми выборами президента и существенными процедурными различиями по штатам, что неизбежно ставит для многих американцев вопрос о легитимности новой администрации.

Как ни относиться к политике Д.Трампа, она по своей сути была нацелена на демилитаризацию понятия национальной безопасности с упором на интересы развития страны, а именно они выходят на первый план для всех государств. Дискуссия на этот счет уже идет в американском политологическом сообществе не один год. Можно

согласиться с теми, кто полагает, что трампизм окажет не менее долговременное воздействие на США, чем в свое время рейганизм: просто сейчас **маятник качнулся в сторону от неолиберальной экономики и глобализации**. И пандемия коронавируса только усиливает этот тренд. Нельзя также не видеть, что электорат Демократической партии расколот и представляет собой коалицию разнородных сил и групп населения, таких как этноменьшинства, женщины и молодежь, которые объединились, чтобы отстранить Трампа, но имеют разные интересы и повестки дня. Будет ли под силу либеральным элитам найти соответствующий общий знаменатель и проводить эффективную политику как внутри страны, так и в «совершенно другом мире» (как это признал сам Дж. Байден), вот в чем вопрос. Даже если взять коронавирус, то от него электораты Байдена и Трампа страдают в разной степени, что не может не сказаться на поиске баланса между интересами здоровья населения и восстановления экономики.

В контексте же продвижения к многополярному миру первостепенную важность имеют сегодня вопросы поддержки ООН - как уникального и единственно легитимного инструмента поддержания мира, решения задач обеспечения глобальной и региональной безопасности. Весьма важны и усилия, направленные на укрепление ооновских институтов, многие из которых подвергаются необоснованным нападениям — под лозунгом необходимости их «обновления» (а по сути, ликвидации) в духе пропагандируемого американцами «порядка, основанного на правилах». С этим оказалась прямо сопряженной тема защиты системы международного права как основы цивилизованного общения государств, особенно перед лицом прямых попыток ее подрыва либо обхода. Торжественные мероприятия

по случаю 75-летнего юбилея ООН, прошедшие осенью 2020 г., продемонстрировали приверженность мирового сообщества краеугольным принципам справедливости и взаимоуважения, лежащих в основе международного права и Устава Организации, – включая **принцип суверенного равенства, обязательство воздерживаться от угрозы силой или от ее применения в нарушение Устава ООН, принцип невмешательства во внутренние дела государств, уважение суверенного и неотъемлемого права любого государства определять свою собственную политическую, экономическую, культурную и социальную систему, принцип мирного разрешения споров, осуждение терроризма во всех его формах и пр.** Поэтому усилия по восстановлению глобального управления не приходится начинать с нуля – в этом смысл инициативы президента В.Путина о проведении саммита государств-постоянных членов СБ ООН, которую приняли все её адресаты. Дело – за её реализацией на практике.

Существенную проблему современного мира составило резкое усиление в политических и военно-политических процессах элемента непредсказуемости. В свете выхода Вашингтона из большинства договоренностей в сфере контроля над вооружениями большую озабоченность вызывает сложившееся положение дел в обеспечении стратегической стабильности, которое, судя по всему, продолжит оставаться весьма сложным и дальше. Россия была вынуждена реагировать на военно-техническом уровне. Так, была ликвидирована монополия США/НАТО на ракеты морского базирования большой дальности (они оставались за рамками ДРСМД, который охватывал только ракеты наземного базирования) – это показало их использование в Сирии в 2015 году («Калибр»). 1 марта 2018 года президент В.Путин в Послании Федеральному Собранию объявил о разработке целого ряда

новых стратегических систем, в том числе гиперзвуковых («Авангард» и др.), призванных обесценить Глобальную ПРО США, которая создается после выхода Вашингтона в 2002 году из Договора по ПРО 1972 года. В новых условиях сохраняет актуальность важнейший постулат стратегической стабильности, который гласит, что **значение имеют не намерения, а потенциалы.**

Продление администрацией Дж.Байдена Договора СНВ-3, как и итоги российско-американского саммита в Женеве 16 июня (а ему предшествовал телефонный звонок Байдена В.Путину 13 апреля с инициативой такого саммита) — декларация о том, что в ядерной войне не может быть победителей, и договоренности запустить диалог по стратегической стабильности и консультации по информационной/кибербезопасности, внушают надежду если не на новую разрядку, то, по крайней мере, на **начало движения в сторону нормализации отношений между Россией и США.** Однако Вашингтон все-таки вышел из Договора по открытому небу и не просматривается перспектива его возвращения в Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности/ДРСМД. Остаются надежды на возвращение США в СВПД по ядерной программе Ирана, хотя сторонами заявлены взаимоисключающие позиции на этот счет.

Российско-американские отношения сегодня находятся в худшем состоянии со времен окончания холодной войны, при этом сохраняется негативная динамика с риском дальнейшей эскалации. В рамках бюджета на 2021 фискальный год, начавшийся в Америке 1 октября, США запланировали 700 млн. долл. на противодействие России и дополнительно 24 млн. долл. на борьбу с «российской пропагандой и дезинформацией». Наряду с санкционным давлением это указывает на

переход Вашингтона и Запада в целом к системному «гибридному» противостоянию с Москвой.

Однако определенные возможности для эффективного сотрудничества остаются, хотя и становятся все более зыбкими. Прежде всего, в дополнение к сфере контроля над вооружениями речь идет о взаимодействии в Арктике. Предстоящее председательство России в Арктическом совете (2021–2023 гг.) предоставляет возможность использовать многолетний опыт конструктивного взаимодействия США и России, особенно в морском регионе Берингова моря и пролива.

Относительное отступление/упадок Запада проявлялось не только в трансформации американской внешней политики, традиционные цели и методы которой уже не обеспечиваются наличными ресурсами. Но и в усилении новых явлений во внутривнутриполитической жизни западных стран. Характерным явлением стал рост популизма, национализма, усиление как крайне левых, так и крайне правых партий. Расслоение американского общества, нарастание в нем противоречий дестабилизируют внутривнутриполитическую жизнь, внося в нее также большую долю непредсказуемости. Под влиянием движения «Жизни черных имеют значение!»/BLM администрация Демпартии встала на путь подмены классовых противоречий (а это рост социального неравенства и эрозия среднего класса, в том числе вследствие глобализации, движимой интересами инвестиционных классов) расовыми. Запущена «критическая расовая теория», цель которой – борьба с идеей превосходства белой расы («главной проблемы Америки», по утверждению Байдена). Эту позицию поддержал Совет ООН по правам человека/СПЧ, который в своем июньском докладе указал на наличие проблемы в порядка 60 государствах (треть членского состава ООН) и

призвал к мерам по выправлению несправедливости, каковой были рабство и работорговля, включая выплату компенсации потомкам африканских рабов «в той или иной форме» и проведение политики «позитивной дискриминации». То есть данный курс, надо полагать, будет навязываться и союзникам США с апелляцией к авторитету ООН.

В государствах-членах Европейского союза указанные явления имели свою собственную национальную окраску. Национализм, правый и левый популизм там соседствует с ростом евроскептицизма. Усилия европейских элит, направленные на сохранение политического развития стран ЕС в русле так называемого «среднего пути», предполагающего спокойную легитимную сменяемость системных партий у кормила власти, наталкиваются на укрепление фланговых внесистемных объединений. В некоторых европейских странах эти силы сумели стать частью политического истеблишмента. Хотя ЕС в своем развитии дошел до высоких уровней интеграции в отдельных сферах (торговля, экономика, финансы и т.д.), дальнейшая передача полномочий наднациональным органам застопорилась. Общая картина выглядит противоречиво, отражая двойственную природу европейского интеграционного объединения, сочетающего национальные и наднациональный уровни управления. Помимо Брексита, это особенно четко выявила пандемия: в ходе преодоления санитарного и экономического кризиса стала особо очевидной та уникальная роль, которую сохраняют в Европе национальные государства, хотя одновременно в ЕС были приняты и масштабные коллективные меры, предназначенные для «солидарного» преодоления вызванного COVID-19 кризиса, правда, с явным антироссийским подтекстом. При этом **ожидать прорывных решений, которые позволили бы Евросоюзу**

выйти из геополитического тупика, в обозримом будущем не придется. Надо полагать, отсюда стремление к психологическому комфорту прежних трансатлантических отношений под американским «лидерством», хотя за четыре года доверие было серьезно подорвано, изменилась сама Америка и трудно ожидать, что можно вновь «зажить по-старому». Пока же, как показало европейское турне Байдена в июне, союзников подтягивают к поддержке антироссийской политики. Предметом острых противоречий в ЕС и между США и ЕС. Стало сооружение газопровода Северный поток-2, который завершен. В итоге, до низшей точки опустились отношения России с ЕС, перспектива полного разрыва которых уже никого не удивляет. В этих условиях Москва вынуждена делать упор на поддержание двусторонних отношений с заинтересованными европейскими странами.

К сожалению, мир еще не решил проблем политического насилия и урегулирования конфликтов. Продолжает возрастать угроза международного терроризма, в том числе в Европе. Предпринимаются активные меры по борьбе с данным явлением, что влечет за собой усиление активности преступных объединений, экстремистских группировок и радикальных политических сил по всему миру. Выдавливание боевиков ИГИЛ из Сирии и усиление контроля на границах, спровоцированное пандемией, привело к захвату террористами и экстремистами всех мастей «виртуальных территорий». Они всё активнее оккупируют Интернет, соцсети, мессенджеры и другие площадки, пока обойдённые должным эффективным контролем со стороны государства, в том числе в рамках императива суверенизации Интернета.

Осенью 2020 года волна террористических нападений захлестнула Западную Европу (октябрь – Ницца, ноябрь – Вена). Как следствие, укрепились крайне правые, анти-иммигрантские взгляды «коренных» европейцев. Это, в свою очередь, привело к принятию сомнительных решений в духе исламофобии и запустило раскручивающийся маховик ответной радикализации мигрантов первого-второго поколений во Франции, Австрии, Германии и других странах.

В стремлении остановить или даже направить вспять набирающую силу тенденцию ослабления экономических и политических позиций Запада на мировой арене, мировому сообществу нередко пытаются навязать **идею насаждения управляемого хаоса**. При этом волна такого хаоса вплотную продвигается Западом к российским границам, захлестнув Украину, Молдавию, Южный Кавказ и приближается к странам Центральной Азии.

Противодействие внешнему вмешательству в Белоруссии и урегулирование при посредничестве Москвы обострившегося Нагорно-карабахского конфликта могут служить примером успешности регионального подхода к решению региональных проблем, что сокращает возможности для вмешательства внерегиональных сил в духе Большой игры XIX века и холодной войны XX века. Одновременно Россия подтвердила историческую преемственность своей позитивной роли на постсоветском пространстве и высветила контрпродуктивность политики «беспокоящих действий» Запада, как правило, санкционных и на уровне враждебной риторики, включая бездоказательные обвинения по адресу Москвы («отравление» Скрипалей, Навального и др.). Активизируется разведывательная деятельность НАТО по периметру российских границ, активизируется, в том числе под предлогом проведения совместных маневров, натовское военное присутствие на

Украине, сопряженное с провокациями в российских территориях Крымского п-ва. Москва реагирует включением в список «недружественных государств» (пока США и Чехия), жестко отвечает на военные провокации.

Все это повышает ожесточенность конфронтации между ведущими государствами мира, возрастают также риски их втягивания в локальные и региональные конфликты. В результате, по прогнозу многих зарубежных и отечественных экспертов, новое десятилетие для человечества может оказаться еще более турбулентным и непредсказуемым, чем предшествующее. Глобальный вооруженный конфликт в силу сохранения фактора ядерного сдерживания маловероятен, но войны меньшего уровня – локальные или столкновения с применением обычных систем вооружений, в том числе с прямым или косвенным участием ведущих держав мира, – становятся все более реальным сценарием. Как заявил президент В.Путин в ходе Прямой линии 30 июня 2021 года, Россия оставляет за собой право применять силу в ответ на военные провокации, что не приведет к «третьей мировой войне»/«большой войне» в Европе в силу того, что Запад в ней проиграл бы, в то время как Россия не более чем отстаивает свои интересы и «знает, за что воюет». Сложившаяся ситуация в сфере силовой политики побуждает сделать вывод о том, что **тезис о ядерной эскалации любого ограниченного конфликта/столкновения является мифом**, так как применение ядерного оружия оправдано, в том числе в глазах общественного мнения, угрозой экзистенциального характера, причем собственной территории ядерных государств. Новый облик Вооруженных сил России позволяет парировать все мыслимые

угрозы военной безопасности страны на уровне применения современных эффективных систем обычных вооружений.

«Размораживание» конфликтов на постсоветском пространстве и сохраняющаяся конфликтогенность во многих других регионах мира свидетельствовали о нарастании кризиса доверия между странами. Острой критике в связи с этим подвергались международные организации, сформированные по итогам Второй мировой войны и призванные предотвращать новые военные столкновения в мире. Дальнейшее развитие получили такие опасные тенденции, как распад системы контроля над вооружениями, создававшейся не одно десятилетие. В целом, мир сохраняет «родимые пятна» прошлого, несмотря на то, что пандемия и ее последствия должны были заставить человечество отложить в сторону взаимные претензии и собственные амбиции и объединиться перед лицом новой опасности.

Наиболее перспективным, в том числе в контексте нынешней тупиковой ситуации в отношениях с Западом, является **восточный вектор российской внешней политики**. Особую значимость имеет наличие возможностей продвижения на площадках АТР крупной российской инициативы о формировании Большого Евразийского партнерства в сфере безопасности, экономического и гуманитарного взаимодействия — создания широкого контура совместного развития, объединяющего региональные интеграционные процессы (с «открытой дверью» для всех европейских стран), и способного образовать фундамент для надежного укрепления мира и безопасности в масштабах всего континента Евразии. Такое конструктивное «сопряжение потенциалов», как отмечено президентом России В.В. Путиным на саммите АТЭС в ноябре 2020 г., обусловлено жизненной необходимостью

«преодоления широкого спектра вызовов и реализации масштабных трансграничных проектов» на евроазиатском пространстве.

Регион Восточной Азии, всего Азиатско-Тихоокеанского пространства – сравнительно менее «шумный» и меньше обращает на себя внимания. Но в этом как раз одно из его преимуществ: здесь больше стабильности и во внутреннем плане, и в области международных отношений. Государства региона научились налаживать между собой тесные связи на основе взаимоуважения и равноправия. Тон задают государства АСЕАН, играющие, безусловно, системообразующую роль во всех региональных проектах, проецируя на них свою политическую культуру и практику – так называемое «ведение дел по-асеановски»/ASEAN way.

И это в условиях, когда после полуторавекового доминирования Запада в глобальной экономике, что было обусловлено Промышленной революцией и созданием колониальных империй, роль её мотора возвращается в Азию. При этом создается высококонкурентная среда между Западом и Востоком, которые вопреки догме Р. Киплинга сходятся на почве торговли и инвестиций, свободной конкуренции в сфере технологий. Хотя еще при Д.Трампе США взяли курс на деглобализацию и воссоздание своего рода КОКОМа времен холодной войны, дабы поддержать иллюзию своего технологического превосходства и изолировать Китай, провозгласив его «главным геополитическим вызовом Америке», следуя при этом логике «ловушки Фукидида» и игр с нулевой суммой. Собственно, практика холодной войны, геостратегические и идеологические постулаты прошедшей эпохи продолжают служить главным источником напряженности в этом обширном регионе.

Есть и собственные проблемы, в том числе территориальные конфликты (индо-пакистанский по Кашмиру, индо-китайский в Гималаях, вокруг принадлежности островов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях и целый ряд других). Но они не создают глобальной напряженности, если на ту или иную ситуацию не проецируется старая геополитика в духе Большой игры XIX века. Нет нужды скрывать, что главный застрельщик тут – Вашингтон, опирающийся на свои старые союзы и пытающийся воспроизвести в регионе политику сдерживания, в частности, посредством создания закрытых диалоговых площадок, таких как Индо-Тихоокеанская «четверка» в составе США, Индии, Австралии и Японии. Как представляется, перспектив у такой «большой стратегии» мало. Не в последнюю очередь это связано с тем, что в АТР выпукло воспроизводится многополюсная среда, характерная для современного мира вообще. Таких полюсов здесь, как минимум, четыре – наряду с США и КНР это Индия и Россия, которая играет важную балансирующую роль, взаимодействуя с Пекином и Нью-Дели в трехстороннем формате РИК и в рамках БРИКС, равно как и по двусторонней линии.

В течение последних десятилетий вес стран Восточной и Юго-Восточной Азии в системе международных экономических отношений неуклонно растет. Здесь сосредоточено больше половины населения планеты. Китай уже вышел на первое место в мире по размерам ВВП по паритету покупательной способности/ППС (к 2028 г. прогнозируется, что это произойдет и по номиналу), Индия может выйти на третье (после США) место по ППС уже в 2023 году. На Азию приходится 38% мирового ВВП. По данным McKinsey Global Institute на сентябрь 2019 года, доля Азии составила в мировой торговле – 33%, в инвестициях – 23%, патентах –

65%, контейнерных перевозках – 62%, производстве энергоресурсов – 29% и потреблении энергоресурсов – 43%.

Восток сближается с Западом и по ВВП на душу населения: у Китая он составляет 30% (по ППС) от уровня США и 44% – от уровня ЕС; у Индии – 20% от уровня ЕС. Доля экспорта в ВВП Китая сократилась с 16 до 8% за период с 2007 по 2018 гг. Это указывает на большую ориентацию экономического роста на внутренний спрос (согласно провозглашенной линии на «двойную циркуляцию»), а значит, и большую устойчивость экономики к внешнему воздействию. В Индии имеет место аналогичный процесс. Здесь уже проживает половина глобального среднего класса, в то время как он разрушался в последние десятилетия на Западе в результате рыночной глобализации. Эта тенденция отражает продолжающийся процесс индустриализации и урбанизации, рост производительности труда, динамичное развитие корпоративного сектора. Премьер-министр Индии Нарендра Моди на одном из последних заседаний Азиатского банка инфраструктурных инвестиций заявил, что «теперь континент оказался в центре глобальной экономической активности. Он стал важнейшим мотором экономического роста в мире. Действительно, мы находимся, как утверждают многие, в "азиатском столетии"».

Не менее важно и то, что растет внутрорегиональная торговля, включая производственные цепочки, ориентир на рост внутреннего потребления (уже составляет порядка 40% глобального). Об успехе такой регионализации, служащей мощным фактором обеспечения устойчивости развития этих стран, свидетельствуют цифры: на взаимную торговлю приходится 60% общего объема их международной торговли, 71% инвестиций в стартапы и 59% иностранных прямых

инвестиций. 74% авиапассажиров путешествуют внутри региона. В целом растет самодостаточность, а взаимодополняемость экономик стимулирует процесс интеграции и формирование мощных экономических сетей.

Одновременно Азия догоняет Запад по таким параметрам, как устойчивый рост, социальное неравенство и защита окружающей среды, что делает эти страны незаменимыми партнерами в деле противодействия глобальным угрозам и вызовам. Трудно не заключить, что мы наблюдаем историческую конвергенцию между Востоком и Западом. Причем эти процессы здесь, да и на глобальном уровне, не чреваты конфликтами, как это было с историческим подъемом Запада в предшествующие два столетия, - именно в силу различия культур.

В отличие от США/ЕС, Азиатско-Тихоокеанский регион в значительной степени смог удержать пандемию под контролем и теперь стремится поскорее восстановить экономику. Важным шагом стало подписание в ходе онлайн-саммита 16 ноября 2020 г. Соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) десятью странами АСЕАН, а также пятью странами-партнерами – Китаем, Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией. Ратификация документа (на это уйдет два года) приведет к созданию крупнейшей в мире зоны свободной торговли. Характерна оценка данного события в Китае – как «победы многосторонности и свободной торговли». Партнерство даст Пекину возможность укрепить отношения со многими своими соседями и начать работу над устранением существующих противоречий.

Партнерство также включает положения об интеллектуальной собственности, телекоммуникациях, финансовых услугах и электронной коммерции. В отличие от ЕС, участники ВРЭП не устанавливают единых стандартов в отношении труда и окружающей среды, а также не обязывают страны-участницы открывать уязвимые области своих экономик. Благодаря этим гибким правилам соглашение одновременно отвечает интересам самых разных стран региона – от Мьянмы и Вьетнама до Сингапура и Австралии. Как подчеркивает директор по исследованиям Пертского американо-азиатского центра (Perth USAsia Centre) Джеффри Уилсон, ВРЭП обещает стать «важной платформой для восстановления Индо-Тихоокеанского региона после пандемии COVID-19».

Нью-Дели принимал активное участие в разработке ВРЭП, поэтому двери партнерства остаются для него открытыми. В новом блоке не оказалось и США, которые не проявили интереса к ВРЭП даже на стадии обсуждения. Примечательно, что союзники Америки пошли на подписание документа, не дожидаясь вступления в должность нового президента США. Другими словами, «караван идет» вопреки прежним геополитическим императивам, которые изнашиваются и изживаются.

За последние годы **в Восточной Азии** набирают силу многие позитивные тенденции: **снижается роль силового фактора в политике безопасности, военно-политическая обстановка становится все более стабильной и предсказуемой**. Страны региона прошли немалый путь в своих взаимоотношениях, постепенно освобождаясь от стереотипов конфронтации и взаимного недоверия. По-видимому, в обозримой перспективе Афганистан, откуда выводятся последние американские подразделения, сохранит роль дестабилизирующего

фактора, что так или иначе будет требовать поиска регионалами регионального решения этого конфликта.

Тем более недопустимо превращать регион в арену геополитической конфронтации. В том числе и поэтому требуется, чтобы России было больше в делах этого региона, частью которого мы являемся в не меньшей мере, чем частью Европы. Уже не говоря о том, что именно Россия/Советский Союз стал каналом распространения европейской цивилизации на Восток. Россия не осталась в стороне, когда тенденции мирового развития указывали на Запад. Мы не можем не быть частью движения глобального маятника в обратном направлении.

Глобальные тенденции накладывают свой отпечаток на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где бывшее всевластие мировых держав не исчезает до конца, но размывается, при этом общая ситуация там остается нестабильной. Позитивными моментами являются **разгром террористического «Исламского государства» на большей части территории Сирии, начало политического диалога и экономического восстановления в этой стране**, очевидность неудачи попыток военного решения конфликтов в Ливии и Йемене, приостановка военных действий и начало инклюзивного политического диалога в Ливии. Однако ожидать быстрого восстановления стабильности не следует, политические процессы будут непростыми, вероятнее всего, прерывистыми и вязкими. Это связано со сложностью решаемых проблем, глубоким недоверием внутренних сторон конфликтов, столкновением интересов внешних игроков. Россия противопоставляет этому многовекторную политику, военное присутствие в регионе и накопленный в Сирии уникальный опыт

многосторонней дипломатии, позволяющей добиваться снижения интенсивности и прекращения военного противостояния.

Отдельное место в сложившейся за года картине мире принадлежит **Африке** с ее огромным человеческим и ресурсным потенциалом и стремлением государств континента к интеграции, устойчивому развитию и более активному и самостоятельному участию в международной жизни. Африканские государства все очевиднее утверждаются в качестве одной из важных опор многополярной системы мира, принимают всё более активное участие в выработке решений международного сообщества по ключевым вопросам региональной и глобальной повестки дня. Этому во многом способствует заметно ускорившееся развитие контактов России со странами африканского региона, о чем свидетельствует, в частности, проводимая активная подготовка Второго форума «Россия – страны Африки» и масштабное содействие, оказываемое Россией Африке в связи с вирусной пандемией.

Латинская Америка – регион политической благожелательности, экономических возможностей, культурной близости и схожего с нами менталитета, что позволяет сохранить бесконфликтную и комфортную атмосферу для взаимодействия. Среди насущных задач, вытекающих из актуальных вызовов текущего момента, – информационно-коммуникационная поддержка оказанной Россией Латинской Америке помощи в виде поставок российской вакцины против коронавируса. Традиционные взаимные симпатии и цивилизационная близость наших народов служат благодатной почвой для продвижения позитивного образа России, взаимного проникновения культур, распространения языков и духовных ценностей, сохранения памяти о значимых событиях отечественной истории и российско-латиноамериканских отношений.

Ключевой проблемой континента остается кризис развития, когда все прежние методы решения социально-экономических проблем, будь то левые или правые, не срабатывают и требуют синтеза, который могло бы поддержать большинство электората.

В 2020 году проявился и другой глобальный феномен, породивший задачу **преодоления негативных последствий пандемического кризиса для международной экономики**. Замедление темпов экономического роста, усугубленное последствиями пандемии, по оценке МВФ, привело к тому, что «мировая экономика практически замерла». По подсчетам Фонда, по итогам 2020 года большинство крупнейших экономик мира ждет глубокая рецессия – от 4% для США до 10% для Великобритании (Россия находится ближе к верхней границе этого прогноза – минус 4,5-5,5%). Возникли трудности, связанные с нарушением глобальных и национальных логистических и производственных цепочек, изменением потребительских предпочтений, адаптацией рабочих мест к требованиям социального дистанцирования, а также рисками того, что такие сектора «контактной» экономики, как туризм, могут не восстановиться, что чревато возможностью роста безработицы и банкротств. Параллельно набирают обороты масштабные трансформационные процессы, связанные с переходом мировой экономики к новому технологическому укладу. Мировую экономику сотрясают торговые войны и климатические катастрофы, а переход к новой экономике – и цифровой, и «зеленой» – выявляет новые противоречия, способные провоцировать социальные конфликты. Нельзя забывать и о проявившейся в этом году с новой силой деструктивной политике экстерриториальных санкций, главным инициатором которых является Вашингтон, пытавшийся их

использовать даже применительно к «анти-эпидемическим» поставкам товаров и оборудования, о неприемлемости чего заявило подавляющее большинство членов ООН.

В этих условиях от государств и международных организаций требуется максимально возможная скоординированность глобальных усилий и национальных мер реагирования. Необходим выход на оптимальный баланс между поддержанием эпидемиологической безопасности и предотвращением неоправданного ущерба для мировой экономики, международной торговли и трансграничных контактов. В этой связи весьма актуальна подготовка квалифицированных оценок и развернутых, выверенных прогнозов развития глобальной экономической ситуации на перспективу, которые пока не очевидны и в большинстве случаев носят характер предварительных и вариативных предположений, что требует, по доминирующему мнению, продолжения экспертной работы специалистов.

Приоритетным направлением дальнейшего развития общемировой цивилизации продолжает оставаться движение к определенным ООН **целям устойчивого развития**. Весьма значимая роль принадлежит ФАО, которая провела серьезную работу по созданию вспомогательных структур в рамках подготовки предстоящего в 2021 году Саммита ООН по продовольственным системам.

В 2020 году исполнилось 75 лет Великой Победы в самой страшной войне XX века и была отмечена юбилейная дата со дня начала работы Нюрнбергского трибунала. Это была победа добра над злом, всему мировому человечеству была подарена большая и светлая надежда. Одновременно с новой силой заявила о себе задача сохранения памяти о той Победе, противодействия переписыванию истории, пересмотру

итогов войны и героизации нацистов и их пособников, усилению проявлений нацистской идеологии в ряде европейских стран.

Можно констатировать, что кризис мирового развития, дошедший до западного общества и сообщества, и ускорение в 2020 году процесса деглобализации в целом соответствуют доминирующим в России нарративам о глубоком кризисе либерального мирового порядка и о сохраняющейся актуальности Вестфальских принципов международных отношений.

Турбулентность рано или поздно сменится более устойчивой системой. России необходимо участвовать в ее формировании и быть готовой к жизни в новых условиях. Ей потребуется сочетание суверенитета и военно-политической мощи с гибкостью экономики и открытостью общества. Успех России на международной арене будет тесно связан с развитием ее человеческого капитала, внутренней стабильностью, состоянием инвестиционного климата и эффективностью государственных институтов, в том числе в плане обеспечения социальной сплоченности.

Большая роль в деле капитализации этого конечного внешнеполитического ресурса всегда принадлежала и будет принадлежать дипломатии. А она тоже заметно трансформируется у нас на глазах. Перед лицом новых вызовов меняются ее структура, методы, появляются все новые и новые направления. Современное информационное пространство наполнено новыми терминами — дипломатия гуманитарная, цифровая, научная, культурная. Однако можно с уверенностью сказать, что сущностное содержание дипломатии — строительство межгосударственных отношений и управление ими — не сможет, по крайней мере, в обозримом будущем, осуществляться без непосредственного личного контакта, который издавна служил основой

дипломатического метода и продолжает сохранять свое значение в новых условиях как важнейший инструмент создания атмосферы взаимного доверия, без которого невозможны никакие договоренности.

Характерную для международных отношений черту образует сегодня и возрастание роли **культурной дипломатии** – как «мягкого» метода воздействия с целью популяризации национальной культуры и продвижения положительного образа страны, что в итоге призвано создать дополнительные предпосылки для развития сотрудничества государств на долгосрочную перспективу. Культурная политика становится важным элементом этой непростой конфигурации реалий, форм и методов осуществления международных связей. Масштабы глобальных и региональных проблем, высветившихся в последние годы, позволяют России позиционировать себя в мировой политике как ответственного игрока, готового к международному сотрудничеству несмотря и вопреки возводимым Западом идеологическим барьерам и имеющимся политическим разногласиям.

